

ЧТО ТАКОЕ ДИСПОЗИТИВ?

1. Вопросы терминологии важны в философии. Как однажды высказался философ, которого я глубоко чту, терминология — поэтический момент мышления. Это не означает, что философы каждый раз обязаны давать определение своих технических терминов. К примеру, Платон никогда не определял самое важное из своих понятий об «идее». Но другие, подобно Спинозе и Лейбницу, наоборот, предпочитали определять свою терминологию геометрическим способом (лат.: *more geometrico*). Гипотеза, которую я намереваюсь предложить вам, заключается в том, что слово «диспозитив», давшее название моему выступлению, является решающим техническим термином в стратегии мышления философа Мишеля Фуко¹. Начиная с середины семидесятых годов он все чаще использовал его, в особенности же, обращая свое внимание на то, что сам называл «гouvernementальностью» или «управлением людьми» (фр.: *gouvernementalité*). Так и не сформулировав настоящего и точного определения этого понятия, в одном из интервью 1977 года он все же предложил нечто похожее на дефиницию:

«То, что я пытаюсь отследить под этим именем, это, прежде всего, абсолютно гетерогенный комплекс, объединяющий дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения, в общем, сказанное, как и несказанное — таковы элементы диспозитива. Сам диспозитив — это сеть, устанавливаемая между данными элементами [...] Под диспозитивом я понимаю своего рода, формацию (formation), главной функцией которой является ответ на чрезвычайную ситуацию. Потому, диспозитив обладает доминантной стратегической функцией... Я говорил, что диспозитив обладает преимущественно стратегической сутью, предполагающей, что речь идет об определенной манипуляции соотношений сил (de rapports de force), рационального и согласованного вмешательства в это соотношение, для придания им развития в определенном направлении, для их блокировки, стабилизации или использования. Итак, диспозитив всегда вписывается во властные манипуляции (jeu de pouvoir), но он же постоянно привязан к одному или многим пределам знания (bornes de savoir), рождающимся из них и, в той же степени, их обуславливающим. Это и есть диспозитив: стратегии соотношения сил (de rapports de force), поддерживающие типы знания и поддерживаемые ими»².

Вкратце резюмируем три пункта:

1) Это гетерогенный ансамбль, одинаковым образом виртуально включающий в себя все, лингвистическое и не-лингвистическое: дискурсы, институты, здания, законы, полицейские меры, философские утверждения и т.д. Сам по себе диспозитив является сетью, образующейся между этими элементами.

2) Диспозитив всегда обладает конкретной стратегической функцией и всегда вписывается во властные отношения.

3) Как таковой, он произведен пересечением отношений власти и отношений знания.

2. Я позволю себе начертать суммарную генеалогию этого термина в рамках произведений Фуко, а затем и в более широком историческом контексте.

В конце шестидесятих годов, в эпоху, близкую ко времени написания «Археологии знания»³, для определения объекта своих исследований Фуко не использовал термин «диспозитив», предпочитая ему другой, этимологически близкий, термин «позитивность» (“positivité”), тогда также не давая ему определения. Я часто спрашивал себя, где Фуко мог найти этот термин, до того момента, как, несколько месяцев тому назад, перечитал произведение Жана Ипполита⁴ «Введение в философию Гегеля»⁵. Вероятно, вы знаете о тесных

связях, соединявших Фуко с Ипполитом, которого он нередко называл «своим учителем» (*“maître”*). Действительно, Ипполит сначала был его преподавателем подготовительных классов⁶ в лицее Генриха IV⁷, а затем в Высшей Нормальной Школе в Париже⁸. Третья глава произведения Ипполита названа «Разум и история. Идеи позитивности и судьбы»⁹. Здесь он сосредотачивает свой анализ на двух произведениях Гегеля, восходящих к так называемому бернскому и франкфуртскому периодам творчества философа (1795–96): первое — «Дух христианства и его судьба»¹⁰ и второе — «Позитивность христианской религии»¹¹.

Согласно Ипполиту, «судьба» и «позитивность» являются двумя ключевыми концептами гегелевского мышления. В частности, термин «позитивность» у Гегеля находит свой действительный топос в оппозиции между «естественной» и «позитивной» религией. Если естественная религия затрагивает непосредственное и общее отношение человеческого разума к божественному, то позитивная, или историческая, религия включает в себя комплекс верований, правил и обрядов, которые в определенном обществе и в определенный момент истории были предпосланы людям извне. «Позитивная религия», — пишет Гегель в отрывке, цитируемом Ипполитом, — «предполагает чувства, запечатленные в душах посредством той или иной степени принуждения, действия, являющиеся

результатом повеления, следствием повиновения, выполняемые без непосредственной заинтересованности»¹². Ипполит показывает, как противопоставление природы и позитивности соответствует, в данном случае, диалектике свободы и принуждения, разума и истории. В отрывке, который не мог не привлечь к себе внимание Фуко и который содержит нечто большее, чем простое предсказание понятия о диспозитиве, он пишет: «Здесь видна совокупность вопросов, возникающих в контексте понятия о позитивности, и последовательные попытки Гегеля соединить диалектически — диалектикой, еще не вполне себя в качестве таковой осознающей, — соединить чистый разум (теоретический и, главным образом, практический) и позитивность, то есть исторический элемент. С одной стороны, позитивность воспринимается Гегелем как препятствие человеческой свободе и, как таковое, подвергается осуждению. Поиск позитивных элементов определенной религии и, можно добавить, общественного строя, означает открытие в них того, что навязывается человеку по принуждению и омрачает чистый разум; с другой стороны, становящейся преобладающей в итоге развития мысли Гегеля, позитивность должна быть согласована с разумом, призванным, таким образом, преодолеть свой абстрактный характер и обрести соответствие конкретному богатству жизни. Так проясняется, почему поня-

тие позитивности помещается в центр гегелевской перспективы¹³ (с. 46). Если «позитивность» является именем, которым, согласно Ипполиту, молодой Гегель наделяет исторический элемент, со всем присущим ему бременем правил, ритуалов и установлений, наложенных на индивидуума внешним авторитетом, и который, можно сказать, интериоризируется в системы верований и чувств, то Фуко, заимствуя этот термин (который позднее станет «диспозитивом»), обращает свое внимание на принципиальный вопрос, который впоследствии станет наиболее характерной для него проблематикой. Это отношение между живыми существами — индивидами, и историческим началом, означающим совокупность установлений, процессов субъективации и правил, конкретизирующих соотношения сил. В отличие от Гегеля, конечной целью Фуко не является примирение двух элементов. Как не является ею и эмфатизация конфликта между ними. Фуко расследует конкретные способы, в которых позитивности (*les positivities*) действуют внутри отношений, во властных механизмах и манипуляциях.

3. Теперь должно стать более понятным, в каком именно смысле в начале своей лекции я выдвинул гипотезу, согласно которой термин «диспозитив» является основным техническим термином мышления Фуко. Это не некое частное понятие, кото-

рое соотносилось бы с той или иной технологией власти, но общий термин, обладающий той же полнотой, каковой, согласно Ипполиту, обладала «позитивность» для молодого Гегеля. В философской стратегии Фуко «диспозитив» занимает место того, что сам философ критически определял в качестве «универсалий» (*les universaux*). Вам известно, что Фуко всегда отказывался заниматься общими категориями, рациональными сущностями, которые он называл «универсалиями», такими, в частности, как «государство», «суверенитет», «закон» и «власть». Но это не означает, что в мысли Фуко встречаются только оперативные концепты общего характера.

Ведь именно диспозитивы становятся тем, что в философской стратегии Фуко занимает место универсалий: не та или иная полицейская мера, технология власти или некое общее построение, но, скорее — как следует из интервью 1977 года — «сеть» (*le réseau*), которая устанавливается между этими элементами».

Если мы попытаемся проанализировать термин «диспозитив» в том виде, в каком он представлен в общедоступных словарях французского языка, то увидим, что он приобретает три различных значения:

- строгий юридический смысл: «диспозитив — часть суждения, содержащая решение по противопоставлению мотивов». То есть часть определения (или закона), которая решает и предписывает¹⁴,

технологическое значение: «способ расположения частей машины или механизма, и, в широком смысле, сам механизм»¹⁵;

военное значение: «совокупность средств, расположенных в соответствии с планом»¹⁶.

Все три значения наличествуют в словоупотреблении Фуко. Словари, в особенности те, что несут специальной историко-этимологической нагрузки, дают определения по принципу разделения и выделения различных значений одного и того же термина. Такая фрагментация в целом соответствует развертыванию и исторической артикуляции единого первоначального значения, которое, однако, не следует терять из виду. Каково же, в случае термина «диспозитив», это значение? В своем общем употреблении термин, так же как и у Фуко, создает впечатление соотнесенности с совокупностью практик и механизмов — одновременно лингвистических и не лингвистических, юридических, технических и военных, — целью которых является реакция на чрезвычайную ситуацию и достижение, по возможности, непосредственного результата. Но какой стратегии практики и мышления, какому историческому контексту современный термин «диспозитив» обязан своему происхождению?

4. На протяжении последних трех лет я постоянно углублялся в проблематику, решение которой наметилось лишь недавно, и которую я опре-

делил бы как некое приближение к теологической генеалогии экономики. В первые века истории Церкви, во II–VI веках христианской истории, греческий термин «экономика»¹⁷ (oikonomia) приобрел решающее значение в богословии. Известно, что по-гречески слово «экономика» означает администрирование домом, икосом (oikos), а, в более общем смысле, управление как таковое, то есть менеджмент¹⁸. По словам Аристотеля¹⁹, речь идет не об эпистемологической парадигме, но о практике, практической активности, непосредственно реагирующей на проблему и чрезвычайную ситуацию. Почему Отцы Церкви осознали необходимость внести этот термин в богословие? И каким образом вообще возможно говорить о божественной экономике? В ту эпоху была затронута чрезвычайно сложная и, одновременно, жизненная проблема, которую я назвал бы Голгофой христианского богословия²⁰. Это вопрос о Троице. Начало дискуссии о троичности божественных ипостасей (figure divine) Отца, и Сына, и Святого Духа во втором веке христианской истории способствовало формированию внутри Церкви сильнейшей интеллектуальной оппозиции, с ужасом полагавшей, что таким образом в христианское вероучение вводится языческий политеизм.

Для убеждения этих упорных противников, впоследствии названных «монархианами», то есть, буквально, «поборниками единого прав-

ления», богословы, среди которых Тертуллиан²¹, Ипполит²², Ириней²³ ввели в свой лексикон термин «экономия» (oikonomia). При этом главный аргумент заключался в следующем: «По своему бытию и сущности Бог, безусловно, один; но в том, что касается Его экономики, то есть способа, которым Он администрирует Свой дом, Свою жизнь и мир, который создал, Он, напротив, триничен. Как добрый отец может доверить своему сыну выполнение определенных заданий и функций, не теряя при этом своей власти и своего единства, так и Бог вверяет Христу «экономия», администрацию и управление историей людей. Термин «экономия» специализируется, чтобы отныне обозначать воплощение Сына — экономику искупления и спасения. Поэтому в некоторых гностических сектах Христос в итоге именовался «человеком экономики» (ho anthropos tes oikonomias). Постепенно богословы воспринимают различие между дискурсом (логосом) богословия — теологии и дискурсом (логосом) экономики. Экономика становится диспозитивом, посредством которого тринитарный догмат, так же, как и идея промыслительного божественного правления миром вводятся в христианское вероучение. Как это часто бывает, разрыв, которого богословы старались избежать при помощи своего рассуждения, устранив его в плане божественного бытия, проявился в другом месте в виде цезуры, разделяющей

«Бог бытие и действие, онтологию и практику. Действие — экономика, как и политика — не имеет никакого основания в бытии: это — шизофрения, которую богословское учение об экономике оставило в наследие западной культуре.

5. Надеюсь, что это обобщенное изложение поможет вам понять, насколько первостепенно важна та функция, которую понятие об «экономике» приобретает в христианском богословии. Начиная с Климента Александрийского²⁴, оно отождествляется с понятием о промысле и начинает обозначать спасительное правление миром и историей людей. Если так, то каков перевод этого фундаментального греческого термина в писаниях латинских отцов? Ответ: диспозиция (dispositio). Так латинский термин диспозиция (dispositio), от которого происходит наш термин «диспозитив», начинает вбирать в себя всю сложную семантическую сферу богословской экономики. «Диспозитивы», о которых говорит Фуко, определенно соединены с этим богословским наследием и могут быть возведены к тому первоначальному разлому, что разделяет и, одновременно, артикулирует в Боге бытие и практику, природу и сущность, оперирование, посредством которого Он администрирует и управляет миром творения. Термин «диспозитив» обозначает то, в чем и посредством чего реализуется чистая ак-

тивность, управление без какого бы то ни было основания в бытии. Именно поэтому диспозитивы должны всегда содержать в себе процесс дезобъективации, должны продуцировать свой субъект. В свете этой богословской генеалогии диспозитивы Фуко приобретают новое дополнительное значение в том контексте, в котором они пересекаются не только с «позитивностью» молодого Гегеля, но и с «остовом, каркасом» (Gestell) позднего Хайдеггера²⁵, этимология которого родственна этимологии «диспозиции» (*dis-positio, dis-ponere*, где немецкое *stellen* соответствует латинскому *ponere*). В «Технике и повороте» (Die Technik und die Kehre) Хайдеггер пишет, что слово *Ge-stell*²⁶, обычно обозначающее «аппарат» (Gerät), для самого философа терминологически подразумевает «совокупность рас-порядка (dis-porre) (Stellen²⁷), которое располагает (dis-ponere)²⁸ человеком, то есть требует (Bestellen²⁹) от него вскрытия реальности как способа управления³⁰».

Близость этого термина к диспозиции (*dis-positio*) богословия и к диспозитивам Фуко очевидна. Общим для всех этих терминов является их соотнесенность с «экономикой», то есть с совокупностью практик, знаний, мер, институций, целью которых является правление, управление, контроль, ориентация в направлении, считающемся полезным, соответствующие образы поведения, а также жесты и мысли людей.

6. Одним из методологических принципов, которыми я стараюсь руководствоваться в своих исследованиях, является выделение в тексте или же определенном контексте, являющемся и данный момент предметом изучения, того, что Фейербах³¹ определял в качестве «философского элемента». Речь идет об определенной способности раскрытия (*Entwicklungsfähigkeit*) текста, о месте, топосе (*locus*), моменте, в котором он становится восприимчивым к развитию. Интерпретируя и развивая в указанном направлении текст определенного автора, мы приближаемся к моменту, в который отдает себе отчет в невозможности продолжить следование без нарушения самых элементарных правил герменевтики. Это означает, что развитие текста достигает пункта нерешаемости (*indecidibilità*), в котором различие между автором и интерпретатором делается невозможным. В этот, наиболее счастливый для интерпретатора момент, наступает осознание того, что настало время оставить анализируемый текст и продолжить исследование своим путем. Именно поэтому я приглашаю вас оставить контекст филологии Фуко, в котором мы путешествовали до сего момента, и переместить диспозитив в новый контекст. Я предлагаю вам ни больше ни меньше, как обобщенно поделить все существующее на две группы, два класса: с одной стороны, перед нами предстанут живые существа (субстанции),

а с другой, диспозитивы, в которые они непрерывно помещены. Вновь воспринимая богословскую терминологию, онтологии творений противопоставляется экономика диспозитивов, стремящихся управлять ими и направлять к добру. Обобщая после всего уже сказанного обширный список диспозитивов Фуко, я назвал бы диспозитивом любую вещь, обладающую способностью захватывать, ориентировать, определять, пресекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей. Не только тюрьмы, психбольницы, паноптикумы, школы, исповедь, фабрики, дисциплина, юридические постановления, соприкосновение которых с властью в определенном смысле очевидно, но и письменные принадлежности, письмо, литература, философия, агрикультура, сигареты, навигация, компьютеры, сотовые телефоны, и, почему бы и нет, сам язык, возможно, самый древний из диспозитивов, в ловушку которого, тысячелетия и тысячелетия назад, некто из приматов, не отдавая себе отчета в последствиях, имел неосторожность оказаться пойманным.

Итак, перед нами две большие категории: живые существа (сущности) и диспозитивы. Между ними — в качестве третьего элемента — субъекты. Субъектом я называю происходящее из отношения, своего рода ближний бой между живущими и диспозитивами. Конечно же, субстанции

и субъекты, как и в старой метафизике, накладываются друг на друга, но накладываются они не полностью. Например, тот же самый индивидуум, сущность, может быть местом многократных процессов субъективации: будь то пользователь сотовой связи и Интернета, человек, просто пишущий рассказы, любитель танго, антиглобалист и многое другое. Чудовищному росту диспозитивов в наше время соответствует такое же чудовищное развитие процессов субъективации. Это может создать впечатление, будто категория субъективности в наше время колеблется и утрачивает консистентность. Однако точнее будет сказать, что речь идет не о прекращении или преодолении. Мы имеем дело с диссиминацией доведения до крайности той личины притворства, что всегда сопровождала всякую личностную идентичность.

7. Вероятно, не было бы ошибкой определить окончательную фазу капиталистического развития, переживаемую нами, в качестве гигантской аккумуляции и пролиферации диспозитивов. Конечно же, диспозитивы имели место с самого момента появления человека разумного (*homo sapiens*). Но в наши дни в жизни индивидуумов не осталось ни одного момента, который не был бы моделирован, заражен, контаминирован или контролируем каким-либо диспозитивом. Как мы можем противостоять этой ситуации, какой стратегии мы должны

следовать в нашей повседневности, в которой мы пребываем в ближнем бою с диспозитивами? Речь вовсе не идет о том, чтобы просто разрушить их, или, как подсказывают некоторые наивные, использовать их справедливым образом.

Так, живя в Италии, в стране, в которой жесты и поведение индивидуумов подверглись тотальной трансформации посредством мобильных телефонов, в итальянском обиходе называемых «телефончиками» (*telefonino*), я выработал в себе глубокую неприязнь к этому диспозитиву, который сделал отношения между людьми еще более абстрактными. Многократно я ловил себя на мысли, как бы сломать или деактивировать мобильные телефоны, истребить их, или, по меньшей мере, наказать и заключить в тюрьму тех, кто их использует. Однако не думаю, что это было бы справедливым решением проблемы. Совершенно очевидно, что диспозитивы не являются несчастным случаем, в который люди попали по чистой случайности. Своим происхождением они обязаны самому процессу «гуманизации», сделавшему «гуманными» животных, которых мы классифицируем под рубрикой «человек разумный» (*homo sapiens*). Действительно, событие, которое произвело на свет человеческое, по отношению к животному миру, представляет собой разделение, некоторым образом, воспроизводящее разделение, которое экономика осуществила между бытием и действием в Боге.

Это разделение отделяет живущего от него самого, прерывает непосредственную связь, которую он поддерживал со своим окружением, связь с тем, что Икскуль³², а после него Хайдеггер называют кругом «рецептор-дезингибитор». Разлом и прерывание этого отношения производят в живущем скуку — то есть способность разорвать непосредственное отношение с дезингибиторами — и производят Открытое, под которым понимается способность осознать бытие как бытие, то есть конструировать мир. Эта новая возможность, одновременно, дарует жизнь диспозитивам. Они же стремятся заполнить Открытое инструментами, объектами, гаджетами (*gadgets*), безделицами и технологиями всякого рода. Посредством диспозитивов человек старается заставить работать вхолостую (*girare a vuoto*) отделившиеся от него животные характеристики, чтобы наслаждаться Открытым и бытием в их непосредственности. Так, у истоков всякого диспозитива, на самом деле, стоит простое человеческое желание счастья, тогда как заключение и субъективация этого желания в отдельную сферу придает диспозитиву его специфическую мощь.

8. Сие означает, что стратегия, выбранная нами в ближнем бою с диспозитивами, не может оказаться простой. Ведь на кону освобождение того,

что было заключено и отделено их посредством, его возвращение к возможности всеобщего использования. В связи с этим я хотел бы поговорить о понятии, над которым работаю в последнее время.

Речь идет о термине, происходящем из сферы римского права и римской религии, которые — впрочем, не только в Риме — теснейшим образом соединены. Имя термину — «профанация». По римскому праву, священное и религиозное принадлежало богам. Относящееся к религиозной сфере исключалось из свободного обращения, было выведено из сферы человеческих интересов. Сакральное не могло служить предметом продажи и узуфрукта, быть отдаваемо в залог или обращаться в рабство. Особая недоступность сакральных вещей отдавала их в исключительное распоряжение небесных богов, и тогда они в собственном смысле назывались «святыми» или «священными» (*sacro*), или же богов преисподних, что придавало им наименование просто «религиозных». Кошунством (*sacrilego*) считалось любое действие, нарушающее или преступающее этот порог. Если «посвящение» (*sacrare*) было термином, обозначавшим выход из сферы человеческого права, то «профанация», наоборот, означала возвращение чего-либо для свободного использования людей.

Так, великий римский юрист Требаций³³ писал о том, что «профанным, в собственном смысле, называется то, что из священного и религиозного

было возвращено к использованию и в собственность людей». В данной перспективе религия может быть определена как нечто, изымающее вещи, места, животных и людей из общего пользования и переносящее их в отдельную сферу. Не только не существует религии без разделения, но каждое разделение содержит или даже сохраняет в себе подлинно религиозное ядро. Диспозитивом же, который приводит в действие и регулирует это разделение, является жертвоприношение. В последовательности тщательных ритуалов, различающихся согласно разнообразию культур, подвергнутых тщательной инвентаризации Юбером³⁴ и Моссом³⁵, жертвоприношение всякий раз санкционирует переход вещи из профанного в сакральное, из человеческой сферы в божественную. То же, что подверглось ритуальному отделению, может, посредством другого ритуала, быть возвращено в профанную сферу. Профанация — анти-диспозитив, возвращающий для общего использования то, что было изъято и разделено жертвоприношением.

9. Получается, что капитализм и современные модификации власти распространяют и доводят до крайности разделительные процессы, некогда бывшие определяющими для религии. Если принять во внимание только что обрисованную богословскую генеалогию диспозитивов, соединяющую их

с христианской парадигмой экономики божественного управления миром, станет очевидным, что, по отношению к традиционным, современные диспозитивы содержат в себе отличие, делающее их профанацию особенно проблематичной. Каждый диспозитив включает в себя процесс субъективации, без которого он перестает быть диспозитивом управления, но превращается в простую практику насилия. Фуко наглядно показал, как в дисциплинарном обществе, через действия, обращения, знания и занятия диспозитивы приводят к формированию послушных и, в то же время, свободных человеческих единиц, обретающих свою идентичность и «свободу» в самом процессе подчинения. Итак, диспозитив является механизмом, производящим субъективации, и только через это становящимся механизмом управления. Пример исповеди является особенно красноречивым: формирование западной субъективности, разделенной, но одновременно уверенной в себе и собой владеющей, неотделимо от многовекового действия покаянного диспозитива, в котором новое «Я» создается посредством одновременного отрицания и восприятия старого. Осуществляемое покаянным диспозитивом разделение субъекта производило на свет новый субъект, обретавший свою истинность в ложности прежнего отвергнутого грешного «Я». Похожие заключения касаются диспозитива тюрьмы, в меру непредвиденным

следствием которого является произведение на свет преступного (delinquent) субъекта и преступной среды (milieu), становящихся субъектом новых и, на сей раз, в совершенстве просчитанных техник управления. Диспозитивы, окружающие нас на современной стадии капитализма, характеризует не столько произведение на свет субъекта, сколько процессы, которые мы вполне можем назвать процессами десубъективации. Конечно же, элемент десубъективации есть в каждом процессе субъективации. Покаянное «Я» строилось, как мы видим, только через само-отрицание. Однако сейчас процессы субъективации и процессы десубъективации, как представляется, утратили всякое взаимное различие и приводят к воссозданию субъекта только в скрытой и призрачной форме. Затрагивающее неподлинность субъекта более никак не связано с его подлинностью. Позволивший поймать себя диспозитиву «сотового телефона», каким бы ни было желание, его к этому подтолкнувшее, приобретает поэтому не новую субъективность, но только номер, посредством которого может быть, при случае, контролируем; телезритель, проводящий свои вечера перед телевизором, в обмен на свою десубъективацию не приобретает ничего, кроме разочаровывающей личины праздного переключателя каналов (zappeur)³⁶ — персонажа статистики рейтинга телепередач. А потому бессмысленны благожела-

тельные доклады о технологиях, утверждающие, что проблема диспозитивов сводится к их корректному использованию. Они демонстрируют неведение того, что каждому диспозитиву соответствует определенный процесс субъективации, или же — в данном случае — десубъективации. И совершенно нереально, чтобы субъект диспозитива использовал его «правильным образом». Те же, кто утверждает подобное, являются всего лишь результатом посреднического диспозитива, в плену у которого оказались.

10. Современные общества предстают перед нами как инертные тела, пронизанные гигантскими процессами десубъективации, которым более не соответствует никакая реальная субъективация. Следствием этого является закат политики, всегда предполагавшей наличие реальных субъектов и подлинной идентичности — таких, как рабочее движение и буржуазия — и триумф экономики — этой активности управления в чистом виде, стремящейся лишь к собственной репродукции. Левые и правые, сменяющие друг друга в осуществлении властных функций (*gestione del potere*) и не имеющие поэтому ничего общего с политическим контекстом, из которого происходят эти термины, ныне обозначающие лишь два полюса одной и той же правительственной машины: тот, что без зазрения совести ставит на десубъективацию,

и тот, который, напротив, стремится прикрыть ее лицемерной маской добропорядочного демократического гражданина.

Только так можно объяснить чрезвычайное беспокойство власти в эпоху, в которой ей предстоит лицом к лицу социальное тело, покорнее и боязливее которого еще не было в истории человечества. Парадоксом, но только кажущимся, является и тот факт, что безобидный гражданин постиндустриальных демократий — bloom, как его удачно обозначили на современном жаргоне, — который пунктуально исполняет все то, что ему предписывается, и отдает все свои повседневные действия, свое здоровье, свои развлечения и заботы, свое питание и свои желания, вплоть до мельчайших, под контроль и управление диспозитивов, но, возможно, именно поэтому воспринимается властью как потенциальный террорист. В эпоху, когда новые европейские нормативы налагают на всех граждан биометрические диспозитивы, развивающие и совершенствующие антропометрические технологии — от цифровых отпечатков пальцев до сигналетической фотографии, — изобретенные в 19-м веке для идентификации преступников-рецидивистов, наблюдение с помощью видеокамер превращает городские общественные места в одну огромную тюрьму. В глазах власти — и, возможно, она права — именно обыкновенный человек более

всего похож на террориста. По мере все большего проникновения диспозитивов и повсеместного распространения ими своей власти на все сферы жизни, правление (governo) все отчетливее сталкивается с неуловимым элементом, тем более ускользающим от его хватки, чем более он кажется послушно подчиненным ей.

Однако это вовсе не означает, что в самом себе элемент этот несет нечто революционное, способен остановить или вообще представляет какую-либо опасность для машины управления.

Вопреки провозглашенному концу истории, мы, на самом деле, становимся свидетелями непрерывно работающей вхолостую машины — этой своеобразной ужасающей пародии на теологическую экономику, перенявшей наследие промыслительного управления миром. Вместо спасения мира она ведет его к катастрофам, тем самым пародийно сохраняя верность первоначальному эсхатологическому призванию провидения. Вопрос о профанации диспозитивов, то есть о способе возвращения к всеобщему использованию связанного и выделенного при их посредстве, является поэтому неотложным. Те, кто возьмется за его решение, призваны быть способными вмешаться в процессы субъективации и в сами диспозитивы, для выявления в них того Не-управляемого, что представляется началом и одновременно точкой исхода всякой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мишель Поль Фуко (Michel Foucault) (1926–1984).

² (*Dits et écrits*, vol.III, pp.299–300) Агамбен без перевода цитирует французский оригинал.

³ *L'archéologie du savoir* (1969).

⁴ Жан Ипполит (Jean Hyppolite) (1907–1968): французский философ, переводчик и комментатор Гегеля. Впервые перевел на французский язык «Феноменологию духа», которую снабдил соответствующим комментарием, вышедшим в 1946 году под названием: *Genèse et structure de la Phénoménologie de l'esprit de Hegel*.

⁵ *Introduction à la philosophie de l'histoire de Hegel* (1968).

⁶ Агамбен употребляет происходящее из 19-го века жаргонное слово *khâgne*, обозначавшее этот гуманитарный подготовительный цикл высшего образования.

⁷ Lycée Henri-IV.

⁸ École normale supérieure de Paris (ENS)

⁹ *Raison et histoire. Les idées de positivité et de destin*.

¹⁰ *Der Geist des Christentums und sein Schicksal*.

¹¹ *Die Positivität der christlichen Religion*.

¹² Здесь приведен мой перевод с оригинального французского текста Ипполита. У Агамбена на итальянском: «Una religione positiva implica dei sentimenti che vengono impressi nelle anime attraverso una costrizione e dei comportamenti che sono il risultato di

un rapporto di comando e di obbedienza e che vengono compiuti senza un diretto interesse».

¹³ (Р. 46) Мной переведено с французского. Итальянский текст у Агамбена: Si vede qui il nodo problematico implicito nel concetto di positività, e i tentativi successivi di Hegel per unire dialetticamente — una dialettica che non ha ancora preso coscienza di se stessa — la *pura ragione* (teorica e soprattutto pratica) e la positività, cioè *l'elemento storico*. In un certo senso, la positività è considerata da Hegel come un ostacolo alla libertà umana, e come tale viene condannata. Investigare gli elementi positivi di una religione, e si potrebbe già aggiungere di uno stato sociale, significa scoprire ciò che in essi è imposto attraverso una costrizione agli uomini, ciò che rende opaca la purezza della ragione; ma, in un altro senso, che nel corso dello sviluppo del pensiero hegeliano finisce col prevalere, la positività deve essere conciliata con la ragione, che perde allora il suo carattere astratto e si adegua alla ricchezza concreta della vita. Si comprende dunque come il concetto di positività sia al centro delle prospettive hegeliane.

¹⁴ В русском языке: «резолютивная часть постановления» (ср. <http://slovari.yandex.ru/dispositif/fr-ru/#lingvo/>).

¹⁵ В русском языке: прибор, устройство, приспособление.

¹⁶ В русском языке: диспозиция, расположение, боевой порядок.

¹⁷ В славянском православном богословском словоупотреблении: «домостроительство — термин, бук-

вально передающий содержание греческого оригинала, но, к сожалению, утративший всякое контекстуальное этимологическое значение в современности.

Православный богословский русский язык употребляет термин «икономия» в двух значениях: 1. В церковном праве термин соотносится с практикой смягчения канонических постановлений Древней Церкви для общей пользы Церкви современной, в противоположность принципу строгого их исполнения — акривии; 2. В классическом богословском смысле термином «икономия» обозначается учение о деле Иисуса Христа (см. далее по тексту Агамбена), в противоположность учению о Боге в Самом Себе — теологии или богословия.

Термин «икономия» в современном языке обладает сутобо церковной контекстуализацией. «Археолог теологии» Агамбен использует термин «экономия» вне сутобо богословского контекста, более того, играет на перемещении контекстов, секулярного, профанного и сакрального, что дает нам право воспроизвести термин «экономика» в его буквальной транскрипции с языка оригинала, без применения лингвистических техник «теологизации» понятия, как это происходит в случае с «домостроительством» и «икономией». Важно подчеркнуть, что в итальянском и других романских языках термин «экономия» также означает и «экономику» в секулярном значении (хозяйственно-рыночном) этого слова.

¹⁸ Ср. славянский термин «домостроительство» (примечание выше).

¹⁹ (Pol. 1255 b 21).

²⁰ В итальянском оригинале Агамбен использует непередаваемую игру слов: «*questione cruciale*» (от итальянского «*croce*» — крест): «крестный («перекрестный») вопрос. Таким образом, создается особенная аллюзия на Крест, в классическом патристическом богословии относящийся к сфере «домостроительства», то есть экономики-экономики (см. ниже по тексту).

²¹ Тертуллиан (Quintus Septimius Florens Tertullianus) (* после 150 — † после 220) — североафриканский церковный писатель, фактический основатель латинской святоотеческой традиции и создатель богословской матрицы древней западной христианской ортодоксии. Более чем полуторатысячелетняя традиция приписывала Тертуллиану переход в секту монтанистов в последний период жизни. Именно это не позволило Традиции отнести Тертуллиана к Отцам Церкви. Факт перехода латинского богослова в монтанизм подвергается сомнению в ряде новейших исследований по данной тематике.

²² Ипполит Римский (* 180 — † 235) — священномученик, Отец Церкви, с конца 2-го столетия писавший и действовавший в Риме. Оставил после себя комментарии на Писание, а также канонические и догматические тексты чрезвычайной важности, по причине непосредственной близости к первоначальной апостольской традиции. Ипполит долгое время считался римским епископом, однако позднейшие исследования указывают на то, что Ипполит был, скорее всего, первым схизматическим римским епископом, т. е. антипа-

пой (с 217 г.). Продолжатель малоазийского богословия Ириней Лионского, писавший по-гречески, Ипполит находится на пересечении греческой и рождавшейся в то время латинской богословской традиции.

²³ Ириней Лионский (* ок. 135 — + 202) — священномученик, Отец Церкви, епископ Лиона. Продолжатель апостольской школы Иоанна Богослова и Поликарпа Смирнского, важнейший свидетель апостольского предания своего времени. В дошедших до нас произведениях «Обличение лжеименного знания» (более известное как «Против ересей») и «Доказательство апостольской проповеди», Ириней акцентирует внимание на формальном характере непрерывности апостольского преемства в Церкви, полемизирует с гносисом, и очерчивает ряд фундаментальных богословских истин, которые были восприняты и положены в основу последующей классической церковной ортодоксией.

²⁴ Климент Александрийский (Titus Flavius Clemens) (140/150–215) — богослов, философ, один из основателей александрийской богословской школы. В основу мышления Климента легло представление о полной совместимости христианства с античным философским идеалом. В полемике с гносисом Климент разработал представление о христианстве как подлинном гносисе-знании и благочестивом и интеллектуально образованном христианине — как о подлинном гностике. Пресвитер александрийской Церкви, «первый христианский ученый» (http://www.kathpedia.com/index.php?title=Clemens_von_Alexandrien), Климент так и не получил в истории наименование «святой».

²⁵ Мартин Хайдеггер (Martin Heidegger) (1889–1976) — немецкий философ, один из величайших мыслителей 20-го века, провозгласивший распад метафизики и, тем самым, акцентировавший внимание философии и цивилизации на техногенных аспектах бытия человечества, тесно связанных с конечностью и ограниченностью каждого индивидуума, его изначальной направленностью к смерти. Особый язык философии Хайдеггера, тесно связанный с особым способом форматирования немецкоязычного философского дискурса философом, делает его произведение чрезвычайно сложными для перевода.

²⁶ Gestell (нем.) дословно: «подставка, каркас, осто́в, корпус, аппарат».

²⁷ Stellen (нем.): «ставить, помещать, устанавливать».

²⁸ Disporre (лат.): «располагать», «помещать», «готовить», «предписывать», «решать».

²⁹ Bestellen (нем.): «заказывать», «заставлять», «назначать».

³⁰ В этом сложном для понимания тексте очевидна аллюзия на слова Хайдеггера, игра слов, достигаемая благодаря различным значениям немецкого слова «stellen», одновременно означающего «ставить» (что-либо куда-либо), «заставать врасплох», «принудить к открытому признанию», «призвать оправдаться в содеянном». В свою очередь, «bestellen» означает не только «заказать что-либо в магазине или ресторане», но и «предпринять целенаправленное

действие», например, «возделывать поле», или даже «привести в порядок свои дела на случай смерти». Очевидно, что Агамбен желает указать на то, что слово «Ge-stell» у Хайдеггера является не только критикой технизированного мира, но и обозначением взаимодействия действия и познания, называемого Агамбеном и Фуко «диспозитивом».

³¹ Фейербах (исходя из правил немецкой фонетики, правильным произношением имени было бы: Фойербах) (Ludwig Andreas Feuerbach) (1804–1872): философ, один из крупнейших представителей немецкой философской мысли 19-го века. Критик немецкого идеализма, в значительной степени способствовавший распаду последнего. Ключевым моментом критики религии Фейербахом является идея о том, что Бог, по сути своей, есть проекция лучших качеств человеческого самосознания. Ключевая интуиция библейского богословия о творении человека по образу и подобию Божью становится у Фейербаха утверждением о создании человеком Бога по своему образу и подобию.

³² Яков Иоганн Икскуль (Jakob Johann Baron von Uexküll) (1864–1944) — биолог, философ, один из крупнейших зоологов 20-го века, основоположник современной экологии и биосемиотики. Икскуль ввел в научный обиход понятие об окружающей среде, а также предложил понимание биологической жизни как совокупности коммуникативных и семиотических процессов.

³³ Требаций (Gaius Trebatius Testa) (84 до РХ — 4 до РХ) — один из важнейших римских юристов конца ре-

спублики и начала принципата. Из его произведений нам известны: *De religionibus* («О религиозных вопросах») и *De civili iure* («О гражданском праве»).

³⁴ Анри Юбер (Henri Hubert) (1872–1927) — французский археолог, теоретик компаративного религиоведения. Наибольшую известность Юберу принесли его исследования кельтской цивилизации, культуры и религиозности, а также сотрудничество с Марселем Моссом в рамках журнала «Социологический ежегодник» (*L'Année Sociologique*), основанного в 1898 году французским философом и социологом Эмилем Дюркгеймом (David Émile Durkheim) (1858–1917).

³⁵ Марсель Мосс (Marcel Mauss) (1872–1950) — французский антрополог и социолог, исследователь магии, ритуалов, понятия дара в различных культурах. Племянник Эмиля Дюркгейма. Оказал большое влияние на дальнейшее развитие науки, в частности, на основоположника структурализма в этнологии Клода Леви-Стросса (1908–2009).

³⁶ От фр. *zapper*: (праздно) щелкать пультом, переключая каналы (употребляется также для обозначения поведения избирателей, отдающих свои голоса не по политическим соображениям, но из желания «сменить картинку» политического поля).

ЧТО СОВРЕМЕННО?

1. Вопрос, которым я хотел бы задаться на пороге нашего семинара¹, это вопрос о том, современниками кого и чего мы являемся, вопрос о том, что вообще значит быть современником? В ходе семинара мы обратимся к текстам, авторов которых отделяют от нас многие века, и к текстам, которые хронологически не так далеки или вовсе близки к нам. Самое главное, что всякий раз нам предстоит стать современниками написанного. «Время» семинара — современность. Это время обязывает нас быть современниками текстов и авторов, к которым мы обратимся. Как уровень, так и итоги семинара будут измеряться его — нашей — способностью быть на высоте этого требования.

Первое, предварительное, указание направления нашего исследования — в одном из ответов Ницше. В записях своих лекций в Коллеж де Франс Ролан Барт² резюмирует его таким образом: «Современное — несвоевременно». В 1874 году Фридрих Ницше, молодой филолог, до того работавший над греческими текстами и два года тому назад приобретший неожиданную известность благодаря «Рождению Трагедии», публикует «Не-

BN 978-966-378-278-2

789663 782782

Джорджо Агамбен

ЧТО СОВРЕМЕННО?

ДУХ I ЛІТЕРА

Три эссе Джорджо Агамбена, предлагаемые вниманию русскоязычного читателя, являются попыткой передачи важных интуиций его мышления в доступном непосредственному восприятию формате. Это, надеемся, станет первым шагом к «русификации» философа в дальнейших переводах и изданиях, в передаче современности наследия Джорджо Агамбена — просто философа, предлагающего нам новое богословие.

Издатели:

Константин Сигов и Леонид Финберг

Перевод и редакция:

диакон Августин Соколовски

Научная редакция: Алексей Сигов

Литературная редакция: Валерия Богуславская

Корректурa: Наталия Аникиенко

Компьютерная верстка: Валентин Залевский

Художественное оформление: Ирина Пастернак

A231 Джорджо Агамбен. Что современно? /
Пер. с итал. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. — 78 с.

УДК 1 «654» (450):2-1
ISBN 978-966-378-278-2

© ДУХ І ЛІТЕРА, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Theologia ancilla philosophiæ.

Вместо введения..... 5

Что такое диспозитив?..... 13

Что современно?..... 45

Церковь и время..... 63